

Независимо от времени и места, при любой возможности они мечтали снова играть музыку вместе, чтобы заставить весь мир содрогнуться от восторга. Они были не просто напарниками по группе, но и самыми преданными слушателями друг друга.

Увы, судьба переменчива. Он пережил величайшее потрясение в своей жизни, а Сяоху навсегда покинул этот мир после автокатастрофы. Юная, полная жизни душа внезапно погасла, а он в то время был настолько раздавлен собственными бедами — изнасилованием и провалом на экзаменах, — что замкнулся в себе, никого не желая видеть. Он даже не пришел на похороны Сяоху, а позже и вовсе потерял связь с Даху.

Он снова вспомнил слова Даху. Ему уже двадцать восемь, сколько еще можно упорствовать? Но если сдаться сейчас, то вся жизнь пройдет вот так — в бессмысленной пустоте. А если однажды, подобно Сяоху, придется уйти, так и не успев ничего сделать? Как же это было бы досадно.

Чжан Вэйдун прижал ладони к ноющей голове. Мечты всегда прекрасны, подумал он, но реальность — та еще дрянь.

Снова наступила черная пятница.

Чжан Вэйдун сидел на диване, невидящим взглядом уставившись в экран телевизора. Вечерние новости уже закончились, но он не запомнил ни слова.

Сяо Цзюньгу наверняка знал о его встрече с Даху, но раз тот не спрашивал, сам он заводить разговор не собирался. Они провели полдня в одной комнате, едва обменявшись тремя фразами.

Наконец Сяо Цзюньгу затушил сигарету, похлопал его по плечу и бросил:

— Поздно уже, ложись.

Чжан Вэйдун очнулся, встал, подошел к кровати и принялся стягивать клетчатую пижаму. Сяо Цзюньгу последовал за ним, прикрыл дверь и, скрестив руки на груди, прислонился к дверному полотну, насмешливо заметив:

— Дунцзы, ты сегодня такой инициативный. Неужели тебе не терпится больше, чем мне?

Сбросив верх, Чжан Вэйдун рывком стянул черные плавки:

— Будем или нет?

Взгляд Сяо Цзюньгу скользнул по его прямым длинным ногам и медленно поднялся выше, задерживаясь на крепких округлых ягодицах:

— Выбирай: либо я тебя возьму, либо просто обниму и будем спать.

Чжан Вэйдун вышел из себя и, резко повернувшись, огрызнулся:

— Хочешь — бери, чего столько болтать!

Сяо Цзюньгу помолчал, подошел к нему со спины и кончиками пальцев очертил изгиб его спины, медленно спускаясь ниже и разминая ягодичи. Поиграв так некоторое время, он обхватил его за талию, нажал ладонью на поясницу, заставляя согнуться и упереться в край кровати, а затем развел упругие ягодичи, безразлично разглядывая сжатое отверстие.

Там все было чисто, кожа гладкая, и под его откровенным взглядом вход слегка подрагивал и сжимался.

Чжан Вэйдун сжал кулаки, изо всех сил стараясь терпеть его прикосновения. Дыхание стало тяжелым, по коже побежали мурашки. Кончики пальцев Сяо Цзюньгу ласкали края, кружили вокруг, но не спешили проникать внутрь. И как раз в тот момент, когда Чжан Вэйдун, не выдержав этой пытки, собрался протестовать, рука внезапно отстранилась.

— Сегодня нет настроения тебя трахать. Спи, — холодно сказал Сяо Цзюньгу.

Чжан Вэйдун только этого и ждал. Он поспешно натянул пижаму, лег на кровать и отвернулся к стене. Вскоре рядом лег Сяо Цзюньгу, щелкнул пальцами, и свет погас.

Чжан Вэйдун лежал, вытянувшись в струнку, не в силах пошевелиться. Как обычно, без снотворного уснуть было невозможно. Он невольно погрузился в свои мысли.

Неизвестно почему, но после Нового года Сяо Цзюньгу перестал вступать с ним в интимную связь. И это было к лучшему. Если Сяо Цзюньгу охладел к нему или нашел себе другого партнера — это было бы просто замечательно. Может, тогда он наконец обретет свободу?

При этой мысли на душе стало чуть легче, но тут же пришло осознание: это невозможно. Неизвестно почему, но интуиция подсказывала — Сяо Цзюньгу так просто его не отпустит.

Чжан Вэйдун стиснул зубы, вновь ощущая прилив ненависти. Рядом с ним лежал не человек, а настоящий демон.

Всю ночь он провел в тревожных думах и проклятиях.

Наступил рассвет.

Чжан Вэйдун не сомкнул глаз, поэтому днем выпил четыре банки крепкого энергетика, чтобы доделать работу. Он даже сходил в спортзал, пропотел, а после душа, смыв тональный крем, с ужасом посмотрел в зеркало: ввалившиеся синие глаза, мертвенно-бледное лицо и губы. Разве это человек? Настоящий ходячий мертвец.

— Ну и уродство, — искренне оценил он свое отражение.

Даже несмотря на это, отдыхать он не собирался. Это было его свободное время, и Даху ждал его в баре. Чжан Вэйдун давно не чувствовал такой свободы — раньше он каждый вечер выступал в барах, а днем бегал по подработкам, оплачивая счета за лечение тети и огромные карточные долги дяди. Хотя тогда он задыхался от работы, он был по-настоящему свободен. Он мог петь что хотел, и музыка утешала его в любых страданиях.

Чжан Вэйдун выключил телефон, вытащил аккумулятор, сбросил с хвоста Сяо Ба и тайком выскользнул через черный ход спортзала, поймал такси и помчался в сторону барной улицы, чувствуя себя прогульщиком, сбежавшим с уроков.

Выйдя из такси, Чжан Вэйдун глубоко вдохнул, чувствуя невероятную легкость. Неоновые огни, пьянящая ночная атмосфера — эта обстановка была ему до боли знакома.

Даху ждал его на углу. Едва увидев его, он тут же выпалил:

— Ого, ну и макияж! Это что, спецэффекты из Голливуда?

Чжан Вэйдун недовольно фыркнул:

— Иди ты. Сегодня я напою тебя так, что мать родная не узнает.

Даху приобнял его за плечи:

— Кто бы говорил! Кто первый свалится, тот щенок!

Чжан Вэйдун вздрогнул и машинально отстранился. Даху пошатнулся, замер на секунду, а потом виновато улыбнулся:

— Прости, забыл. Ты до сих пор не избавился от этой дурацкой привычки? Эх, как ты жену себе найдешь? Так и собираешься всю жизнь в одиночестве куковать?

Чжан Вэйдун безразлично ответил:

— Меня и так все устраивает. Женщины — это слишком хлопотно.

Бар был довольно популярным. Открываясь в восемь вечера, к десяти он был почти полностью забит гостями. Интерьер и атмосфера были приятными: мягкий синий свет, легкая психоделика и энергичная англоязычная музыка.

Чжан Вэйдун огляделся: кроме официантов и ярко накрашенных женщин, он не увидел ни

одного азиата. Он сел на высокий стул у барной стойки и толкнул Даху локтем:

— Чего тут одни иностранцы?

— Это место для них, — ответил Даху. — В основном здесь тусуются моряки с кораблей.

Чжан Вэйдун кивнул и, взяв пиво, чокнулся с ним:

— Чего пьешь как девица? Маленькими глотками? Боишься?

— Боюсь?! — Даху залпом осушил бокал и указал на скромную сцену. — Мне еще выступать, аккомпанировать буду. После концерта я тебе покажу, кто тут не боится пить.

— Врешь ты все. Не боишься, так чего сейчас не пьешь?

— Да не боюсь я! Просто боюсь, что если переберу, то случайно разнесу сцену.

Чжан Вэйдун толкнул его, расхохотавшись. Он давно не чувствовал такой легкости.

Тем временем Сяо Цзюньгу был мрачнее тучи. Он работал сверхурочно, разбирая контракты, когда узнал, что Чжан Вэйдун исчез. Бросив дела, он заперся в кабинете, выкуривая одну сигарету за другой. Телефон Чжан Вэйдуна был вне зоны доступа — явно намеренно.

Такого раньше не случалось, и это вызывало у Сяо Цзюньгу не только раздражение, но и тревогу. Он не считал себя человеком с гипертрофированным чувством контроля, но когда дело касалось Чжан Вэйдуна, он терял самообладание. Он невольно думал: где он? Что делает? Не стало ли ему плохо? Есть ли у него лекарства? Кто рядом с ним?

Сяо Цзюньгу позвонил секретарю:

— Завтра свяжись с охранным агентством, с которым мы сотрудничаем. Мне нужны люди, пусть пришлют досье.

— Господин директор, вы хотите лично провести собеседование? Мне изменить график?

— Да, завтра решим все вопросы. Организуй.

Сяо Цзюньгу схватил ключи от машины и вышел из офиса. Он бесцельно колесил по Гуанчжоу. В городе с двенадцатью миллионами жителей найти человека — задача почти невыполнимая, но сидеть на месте он не мог.

Не слишком ли он распустил Чжан Вэйдуна? Сяо Цзюньгу прокручивал все в голове и быстро

пришел к ответу: да. Если Чжан Вэйдун исчез один раз, будет и второй, и третий... Если так пойдет и дальше, то он будет пропадать всякий раз, когда ему вздумается. Это никуда не годится. Он больше не позволит ему так своевольничать.

Сяо Цзюньгу вышел из машины, прислонился к дверце и закурил, глядя на мост Хайчжу, перекинутый через реку.

В десять тридцать началось выступление.

Даху взял у бармена белый бас и повесил его на плечо:

— Дунцзы, хочешь, чтобы я договорился, и ты тоже выступил?

Чжан Вэйдун покачал головой:

— Нет, я связан контрактом, не могу выступать где попало.

— Эх, хорошо быть свободным, — вздохнул Даху и побежал к сцене. — Жди здесь, я вернусь и мы напьемся!

Музыка стихла, свет сменился. Чжан Вэйдун смотрел на сцену с легкой завистью. С каких пор свобода и музыка стали для него недостижимой мечтой? Но, к счастью, сегодня он был здесь, совсем рядом с музыкой.

Чжан Вэйдун решил забыть обо всех трудностях и просто насладиться вечером, но судьба распорядилась иначе.

Едва певец начал выступление, как через минуту две компании гостей начали свистеть и шуметь. Выступление прервалось, певец и музыканты стояли в замешательстве, а гости не унимались, требуя их уйти.

Чжан Вэйдун спросил бармена:

— Что происходит?

— Да старый певец взял отпуск, а гости недовольны, требуют вернуть его, — бармен скривился.
— Думают, раз платят деньги, то могут вести себя как короли.

Чжан Вэйдун считал, что в этом нет ничего удивительного. Такие места — лучшая проверка мастерства: здесь нет фанатов, только клиенты, которые не станут церемониться. Если певец не может их удержать, его освистают — это нормально.

Он взял пиво и с интересом подошел поближе, желая посмотреть, чем все закончится.

Менеджер бара вышел на сцену, объясняя, что их постоянный исполнитель уехал домой к больному родственнику, и просил набраться терпения.

Один толстый европеец встал и крикнул на английском:

— Тогда пусть поет что-то другое!

— А что не так с этой песней? — вежливо спросил менеджер.

Толстяк недовольно фыркнул:

— Какая разница! Мы не хотим слушать, как китаец поет джаз и рок, это нелепо!

Его компания зашумела, поддерживая его. Чжан Вэйдун нахмурился. Он прислушался — певец пел неплохо, для бара это было вполне достойно.

Менеджер попросил певца сменить репертуар на китайскую поп-музыку. Тот, с упрямым видом, сначала отказывался, но после пары слов менеджера неохотно кивнул и ушел совещаться с группой.

За другим столиком подвыпивший блондин заорал:

— Будет сегодня нормальное выступление или нет? Вы, китайцы, такие бестолковые, ничего сделать не можете! Если не поете — верните деньги!

Чжан Вэйдун не выдержал. Он швырнул бутылку пива, в пару шагов взлетел на сцену, выхватил микрофон и рявкнул:

— Что вы имеете против китайцев? Почему мы не должны петь джаз и рок? Музыка не знает границ, это чистой воды дискриминация!

Его лицо пылало гневом, он обвел взглядом зал. В баре воцарилась тишина.

Толстяк опомнился и тут же парировал:

— А разве я не прав? Назови мне хоть одного влиятельного китайца в мировой музыке! Элвис? Том Йорк? U2? Прости, малыш, но у них нет черных глаз и желтой кожи.

Зал зашумел:

— Китайская культура отстает от мировой, вы даже свою музыку делать не умеете, а лезете в рок! Мы не хамим, просто вы — отстой!

Чжан Вэйдун скрежетал зубами. Даху подошел к нему и дернул за рукав:

— Брось, их слишком много.

Чжан Вэйдун оттолкнул его. Он не мог это так оставить. Он — китаец, и он не проглотит это оскорбление.

— Что вы вообще знаете о Китае? — обратился он к залу. — Сколько китайцев вы знаете? Хватит притворяться знатоками, если пару раз были здесь и выучили пару слов! Вы хоть понимаете, что такое музыка?

Блондин залез на стол, качаясь, и посмотрел на сцену:

— Китайцы не умеют петь, они умеют только играть в театре, разрисовывая лица как клоуны...
— он зажал нос и провыл что-то, похожее на кантонскую оперу. По залу прокатился хохот.

Чжан Вэйдун сжал кулаки. Внутри все кипело. Опера — это гордость китайской культуры, древняя традиция. Даже будучи далеким от нее, он питал к этому искусству глубокое уважение.

— Черт, проклятые иностранцы! — Даху, не выдержав, рванулся к сцене.

Чжан Вэйдун нажал ему на плечо и проревел в микрофон:

— ВСЕМ ЗАТКНУТЬСЯ!

Его голос, подобно грому, потряс весь зал. Голова раскалывалась, глаза плыли. Он чувствовал, что теряет контроль — вся усталость, обида и гнев готовы были вырваться наружу.

Менеджер снова вылез на сцену:

— Господин, пожалуйста, уйдите. У нас бизнес, люди пришли отдыхать, не стоит из-за этого...

— Пошел вон! — Чжан Вэйдун оттолкнул его так, что тот едва не упал со сцены.

Публика начала бесноваться. Стучали бокалами, кричали на смеси английского и китайского. Чжан Вэйдун смотрел на них как на сброд. Раз так, церемониться он не будет.

— Дайте мне сцену, — бросил он певцу.

Он оттолкнул Даху, посмотрел на музыкантов и твердо произнес:

— Hotel California.

Даху опешил, но тут же поправил бас и крикнул:

— Парни, работаем!

Чжан Вэйдун указал на зал:

— Я просил закрыть рты, по-человечески понимаете?

Как только воцарилась тишина, заиграла музыка.

Это была классика рока. Чжан Вэйдун выбрал её, потому что её знали все. Даху играл, мысленно молясь за друга.

Зазвучало вступление. Чжан Вэйдун ухватился за стойку микрофона, отбивая такт. Время словно отступило на пару лет назад. Он забыл о публике, погрузившись в мир звуков. На сцене он никогда не склонял головы — это другие должны были смотреть на него снизу вверх.

Но публика реагировала вяло. Кто-то ждал провала, кто-то отвернулся, продолжая пить.

Поймав ритм, Чжан Вэйдун закрыл глаза и запел. У него был потрясающий голос — глубокий, хриплый, полный жизненного опыта и взрывной силы. Он был рожден для рока.

Но одного голоса было мало. В баре воцарилась гробовая тишина — даже бармен перестал работать, глядя на сцену.

<http://bllate.org/book/20766/2083745>